

ГАЛИНА РОМАНОВА

ДНЕВНИКИ ПРЕСТУПНОЙ ПАМЯТИ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Редактор серии *А. Антонова*

Дизайн обложки *А. Зининой*

Романова, Галина Владимировна.

Р69 Дневники преступной памяти : роман /
Галина Романова. — Москва : Эксмо,
2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-221665-7

Варвара Царева очень красива, но это не принесло ей счастья. Муж ушел, дочь не слушается, а сама она влюбилась не в того. Думала, прекрасный принц, оказалось — опасный преступник, втянувший женщину в свои черные дела. Теперь Варвара всерьез рискует оказаться за решеткой, и некому прийти на помощь. Сможет ли выступить в роли благородного спасителя обычный мужчина, любитель скучных прогулок по парку и сочинитель нелепых стихов? Он совсем не герой, но настоящая любовь, как известно, творит чудеса...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Романова Г.В., 2025

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-221665-7

ШАБА 1

Сергей Сергеевич Воронков всю свою жизнь любил поэзию. Он зачитывался стихами, порой даже не обращая внимания на то, кто автор. Схватил брошюрку с прилавка, раскрыл ее по середине, прочел пару четверостиший, понравилось — купил. Кто сочинил, в какие годы, по какой причине — не имело значения для Сергея Сергеевича. Для него важны были мелодичность рифмы, глубина смысла. Если все это присутствовало, он оставался совершенно доволен мастерством поэта. И какая разница, как его фамилия.

Одно время он и сам размечтался до такой степени, что даже пытался что-то сочинять, но вышло так себе. Смысл нестройных стихов, противоречивших всем законам жанра, оставался понятен лишь Воронкову. И еще одной пары внимательных глаз ни за что бы не потерпел. Не выдержал бы никакой критики. По этой причине Сергей Сергеевич сочинял свои вирши только для себя. И сохранял крайне редко. Запишет на салфетке в ресторане и тут

же скомкает. Или в обеденный перерыв на белом листе бумаги смешает ямб с хореем и отправит в мусорную корзину. И что характерно, безо всяких сожалений. Как он сам считал, время серьезно заняться поэзией для него еще не наступило. Он работал начальником отдела серьезного предприятия, занимавшегося важными делами. До стихов ли ему было! То, что он пытался что-то такое сочинять в свободную минутку, сам Воронков считал разминкой. Вот выйдет он на пенсию, станет свободным человеком, тогда и время для хобби появится.

На пенсию он вышел даже раньше, чем планировал. Его ушли, как принято теперь говорить. Начальником отдела поставили какого-то молодого пижона, без опыта, зато с красивым дипломом. Вежливо улыбаясь, молодой пижон предложил Воронкову неприемлемую должность. Разумеется, Сергей Сергеевич отказался. Собрал личные вещи из стола в небольшую картонную коробку. И тем же днем ушел с работы. Никаких чествований он не захотел.

— Отдайте деньгами, если это возможно, — обратился он к руководству с просьбой.

Его услышали. И конверт вручили в отделе кадров вместе с трудовой книжкой. В конверте была довольно солидная сумма. Ее Воронков тут же спрятал дома между чистыми простынями. «На всякое баловство, — решил он. — Как пришли, так пускай и уйдут».

Вообще-то он был очень рачительным хозяином. И за свою одинокую жизнь скопил достаточно

• *Дневники преступной памяти* •

средств, но все они лежали на счетах. Один предназначался для ежедневных расходов. Второй был копилкой на ежегодный отпуск. Третий на черный день. А на четвертом собирались деньги на новую машину. Сергей Сергеевич был очень аккуратен в том, что касалось его расходов. Не доверял всяким акциям и щедрым предложениям. По этой причине, видимо, и избежал обмана, как со стороны мошенников, так и со стороны женщин, стремившихся пожить за чужой счет.

Может быть, по этой самой причине он и не женился. Не доверял сладкоречивым прелестницам. Очень боялся оказаться обманутым или втянутым в долгосрочную кабалу под названием «семья».

Не желал он этого ничего. И животных в доме не хотел тоже. Потому что грязь, вонь, постоянный уход и хлопоты. Ему нравилось просто сидеть часами в любимом кресле и смотреть со своего третьего этажа старой «сталинки» на парк. Ничего не делая. Ни о чем не мечтая. Просто смотреть и наблюдать за городом. Как наступает рассвет, если не спалось. Как льет дождь, если выйти было нельзя. Как распускаются листья на деревьях. Разве рассмотришь все это на улице? Если он будет стоять, раскрыв рот, с поднятой к кронам головой, его сочтут ненормальным. А так...

Он мог сидеть, и рассматривать, и наблюдать, и восхищаться. И конечно же, слагать свои никому не нужные стихи. А их уже за два года его пенсионного одиночества скопилось немало. На целых четыре сборника — по временам года.

Пятый сборник был его личным дневником. Туда он записывал свои рифмованные нескладные мысли, вернувшись с утренних прогулок, совершаемых, если не было сильного ливня. Что видел на прогулке, то и записывал. Иногда ему нравилось, потому что выходило стройно и гладко. Иногда получалась полная чепуха. Но и она имела право быть записанной. Это же его мысли. Предназначались к прочтению только им. Поэтому: почему нет?

Кто-то пишет нескладную прозу. Он — нескладные стихи. Вреда никому никакого. А ему удовольствие.

Сегодняшнее утро выдалось славным. Нежная майская зелень матерела, земля прогревалась, выстреливая травой и цветами. Воздух становился теплым, ароматным. В парке, куда выходили окна его квартиры и где обычно прогуливался по утрам Воронков, было бесподобно.

Его утренние прогулки сделались продолжительнее, поскольку пешеходные дорожки не были засыпаны снегом и не приходилось сворачивать, натыкаясь на очередной сугроб. Скамейки уже обновили, покрашив. Они давно высохли. И он, дойдя до самой дальней точки парка, где располагалась небольшая церквушка, мог посидеть минут десять, отдохнуть и посочинять. Пусть нескладно, пусть только для себя. Но это же дневник его жизни, а не книга для продажи.

Сергей Сергеевич покрутил головой. Никого вокруг. Только худенькая сутулая женщина ме-

• *Дневники преступной памяти* •

тет дворик перед церквушкой. Сегодня службы не было. Потому и безлюдно.

Он расстегнул молнию на кармане, достал любимый бутерброд. Он его делал каждое утро: кусок цельнозернового хлеба, лист салата, кусок вареного мяса, сверху вычищенная половинка сладкого перца. Мясо бывало разным, хлеб, салат и перец оставались неизменными наполнителями. Он съедал свой бутерброд либо на скамейке — всегда выбирал для этого новую, — либо медленно блуждая по дорожкам. После, смахнув крошки, отправлялся в кофейню у входа в парк. Там усаживался на любимое место у окна, заказывал большой капучино, медленно его выпивал, все время наблюдая за улицей. Потом шел домой и записывал в стихах то, что видел и что почувствовал.

Это было...

Это было его тихим тайным восторгом. Он всегда мечтал так жить. И ему не было скучно и одиноко — вот! Он был обеспеченным, крепким еще мужиком. Довольно интересной наружности — коренастый, мускулистый, с густой седой шевелюрой, в стильных очочках и чистой одежде. Не ахти какой модной, конечно, но и не совсем стариковской. И он ловил на себе — да — заинтересованные взгляды женщин. Иногда даже вдвое моложе себя. Ему было приятно, это повышало его самооценку, и не более.

Но неожиданно все поменялось. С тех самых пор, как он вошел однажды следом за молодой незнакомой женщиной в церковь.

Он и раньше туда заходил. Но по зову своей души, а не по какой-то посторонней причине. А вот в то утро — две недели назад — он пошел туда именно за этой женщиной.

Она шла по аллее к церкви целенаправленно и вошла туда потому, что собиралась туда войти, а не по причине того, что просто случайно на нее наткнулась. Сергей Сергеевич тут же сделал вывод, что она живет где-то поблизости. Или работает по соседству. Проходя мимо скамейки, на которой он отдыхал с бутербродом в руке, она его даже не заметила, настолько была погружена в свои мысли. Подол ее шелковой юбки задел его коленки, и это Воронкова взволновало. Он вцепился в женщину взглядом. И обнаружил, что она удивительно красива.

Стройные ноги, узкие цыколотки, аккуратные ступни в красных туфлях на тонкой шпильке. Тонкую талию подчеркивал широкий ремень шелковой юбки. Короткая замшевая курточка еле доставала до ремня. Шелковый шарф был повязан на шее изящным узлом. Узкое лицо, полные губы, идеальной формы нос. Все это можно было увидеть в профиль. Глаза рассмотреть при таком ракурсе было невозможно, и вот тогда-то Сергей Сергеевич, спешно дожевывая бутерброд, поднялся со скамейки и последовал за женщиной в церковь. И уже там, намеренно столкнувшись с ней у церковного ларька, где женщина покупала свечи, он рассмотрел ее глаза.

Голубые и очень печальные. Даже заплаканные, сказал бы он. И волосы, постоянно соскальзы-

• *Дневники преступной памяти* •

вающие на изящный узел шелкового шарфа, тоже показались ему мокрыми от слез.

Женщина между тем купила несколько свечей. Распустила узел шарфа, накинула тот на голову и ушла куда-то в полумрак. Сергей Сергеевич, поразмыслив, вышел из церкви на улицу. И там, вдохнув полной грудью майского свежего воздуха, подумал, что он уже очень давно так не рассматривал женщин. Может, потому, что это не просто женщина, это Муза! Эта женщина — сама Поэзия! И время требовало, минуя кофейню, вернуться домой и немедленно излить свои чувства бумаге.

Пусть это будут нескладные строки и талантливые поэты подняли бы его на смех, но...

Но там совершенно точно будет и про шелковую юбку с шарфом, и про красные туфельки, и про заплаканные голубые глаза. И еще в его стихах будет про тайну, хранимую этой женщиной. Тайну, которую она захотела разделить лишь с Богом.

Уже усаживаясь за компьютер, купленный им два года назад за очень хорошие деньги, Сергей Сергеевич Воронков неожиданно подумал, что хотел бы разгадать эту тайну.

Пусть даже ему придется следить за этой женщиной!

Пусть даже ему придется ее преследовать!

Но он непременно узнает все ее секреты, почувствует ее боль и, возможно, сумеет помочь.

И об этом тоже было в его стихах тем утром...

ШАБА 2

Лера держала в обеих руках по паре кроссовок. В левой — мятного цвета, они идеально подходили под ее бежевый спортивный костюм. В правой — белые. Эти подходили вообще подо все, кроме бежевого спортивного костюма. И как быть? Взять белые, а костюм не брать? Но он сидел на ней идеально, подчеркивая все, что необходимо. И даже каким-то образом влиял на ее походку. Или...

— Блин! — с шумом выдохнула она и швырнула обе пары обуви себе под ноги. — Что делать-то, Макс?

Макс работал, сидя к ней спиной. Он все время работал. И все время сидя к ней спиной. Она научилась это терпеть, потому что он умел ее слышать. Предыдущий ее парень, даже таращась на нее во все глаза, не слышал ни черта.

— Возьми белые кроссовки и мятные сандалии, они занимают меньше места в багаже, чем кроссовки, и так же идеально подойдут к твоему бежевому костюму. Он легкий, — меланхолично ответил ее новый парень Макс, не переставая набирать какой-то текст, его пальцы бегали по компьютерной клавиатуре с бешеной скоростью.

— Ты прелесть! — ахнула она. — Как это я сама не додумалась?

Он промолчал, многозначительно и чуть высокомерно хмыкнув. Но она ему и это простила тут же, потому что Макс был идеальным партнером. Во всех отношениях, включая постель. Он был до-

• *Дневники преступной памяти* •

брым и щедрым. Именно он оплатил их путешествие, в которое они отправляются уже сегодня ночью. У нее откуда деньги? Она студентка-первокурсница. Не самая лучшая. Но не потому, что тупая, просто ленивая.

— Ма, что толку от этого высшего образования? — возмущалась она, когда мать ругала ее за хвосты. — Ты выучилась, и что?

— У меня хотя бы есть специальность, — пыталась та оправдаться.

— Да? И какая?

— Я логопед.

— А работаешь массажистом. И курсы ты окончила за три месяца. И специалистом стала в этом деле отменным. К тебе запись на месяц вперед. Это как называется?

— Как? — Мать очень быстро сдавалась, не желая вязнуть в долгих спорах.

— Что образование не главное — вот как это называется.

— А что главное?

— А главное, мам, призвание, — по слогам отвечала Лера.

— И какое же тогда призвание у тебя, моя дорогая? — устало улыбалась ей мать.

— Мое призвание — быть счастливой, красивой, обеспеченной, — принималась тут же перечислять Лера. — И будь уверена, я этого добьюсь...

Она собрала свой чемодан очень быстро, не забыв впихнуть в него туго набитую косметичку. Лера была очень эффектной, унаследовав внешность

от матери, и считала, что густо краситься на отдыхе — это перебор, но средства для ухода, несколько палеток с тенями, подводка, тушь, всякие разные кремы были ей просто необходимы. Хотя Макс считал иначе. Он считал, что всякой мазней она себя только портит.

— Что хочешь на обед? — Лера обняла Макса со спины за плечи, прижалась губами к шее.

— Хочу крепкого бульона с зеленью и огромный бутерброд с творожными сыром, огурцом и парой сардинок, — пробормотал он, не прерывая своего занятия и продолжая быстро набирать текст.

— Хорошо, иду готовить.

— Хорошо, иди готовь.

— Но уйдет какое-то время, — предупредила она, прикидывая, что из заявленного ее парнем есть в их холодильнике.

— Я терпеливый, — ответил Макс не оборачиваясь. — И умею ждать.

Она послала ему воздушный поцелуй, не будучи уверена, что он его увидел. И ушла в кухню.

Крепкий бульон нашелся в одной из кастрюлек. Ее мать тоже всем на свете супам предпочитала просто бульон и зелень. И творожный сыр был, и огурец, и сардины. Видимо, Макс все это притащил вчера вечером, когда она уже спать улеглась, устав его ждать.

Отлично. Обед для ее парня будет готов скоро. Себе же она сварит вареников с вишней — она их обожала. И тоже сделает бутерброд. Только не с противно воняющими консервами, а с листом са-

• *Дневники преступной памяти* •

лата и куском запеченной буженины. Ее мать отлично ее готовила.

Лера почти заканчивала с приготовлениями, когда ключ в замке входной двери заворочался. Вернулась мать. Странно рано.

— Привет, ты чего так рано? — выглянула Лера в прихожую с кухонным полотенцем в руках. — Обедать будешь? Что хочешь?

— Привет. Обедать не буду, уже перекусила по дороге. А рано, потому что пару записей отменили. Клиенты — супружеская пара — разболелись, видимо.

Мать скинула короткую курточку, шелковый шарф сунула в рукав. Сняла красные лодочки на тонкой шпильке, блаженно улыбнулась, шевельнув пальцами ног. Обула домашние шлепанцы. Поймала край кухонного полотенца, подтащила за него Леру к себе вплотную, поцеловала в щеку.

— Люблю тебя, солнышко, — прошептала она и подтолкнула дочь к кухне. — Идем, помогу тебе.

Помогать было нечего. Все давно было готово. Но Лера была рада побыть с матерью несколько минут вместе.

Лера сбегала в свою спальню к Максусу, тот объявил, что придет обедать через четверть часа. И эти пятнадцать минут дочь с матерью посвятили беспечной болтовне.

Лера ела вареники. Мать таскала их у нее с тарелки. Они боролись вилками за каждый вареник, разбрызгивая сметану по столу и хохоча как ненормальные. Потом пили чай с песочным

печеньем, его Лера испекла вчера вечером от нечего делать, пока Макса ждала. Печенье было бесподобным — мамины рецепты не подвели еще ни разу. Они перетаскали его почти все из большой красивой жестяной коробки. Ее Лера дарила матери на какой-то пустяшный праздник, то ли Всемирный день красоты, то ли добра. Коробка была круглой, в ярких цветах, печенье в ней всегда выглядело еще красивее.

— Все собрала? — перешла мать к их намечающемуся путешествию.

— Да. Все уместилось. И нетяжело вышло.

— Вещи Макса отдельно?

— Конечно. Но у него почти ничего нет с собой. Пара шорт, плавки и тапки. Футболки всегда покупает на отдыхе. Так он сказал.

— Понятно. — Варвара посмотрела на дочь исподлобья и, слегка понизив голос, спросила: — Ты ему доверяешь, малышка?

— Да. А что такое?

— Нет. Просто интересуюсь. Недавно знакомы. Уже переехал к тебе. Летите на отдых.

— И?

Лера занервничала. Мать со своей осторожностью всегда перебирала, поэтому после развода с отцом до сих пор оставалась одна. И это при ее-то внешних данных! Редко какой мужик ей вслед оборачивался! А она словно не замечала. И ухаживаний ничьих не принимала. Никому не верила вообще! И к Лере пыталась применить свои подозрения относительно ее ухажеров.

• *Дневники преступной памяти* •

— Как-то быстро все. Как-то стремительно, — так же тихо ответила Варвара.

— Ма, не начинай, а! — возмутилась Лера громким шепотом. — Себя законсервировала и меня пытаешься?! Нет! Макс — он хороший!

— Может быть, но... — Варвара грустно улыбнулась, кроша песочное печенье прямо себе в чашку с чаем и не замечая этого. — Может, я старомодна, но переезжать с вещами к девушке после двух недель знакомства... Мне это кажется слишком скоропалительным и...

— Ма, ключевые слова: ты старомодна! — фыркнула Лера, вскакивая с места.

— Две недели — это перебор, — все так же настырно проговорила Варвара. — И сразу на отдых за границу! Это может быть...

— Опасно, я помню. Если что, то это я нашла горящий тур. А Макс его оплатил. Так что оставь свои опасения. Ни он, ни его опасный друг не подстроили это путешествие. И меня не везут туда в сексуальное рабство.

Это была цитата. Варвара сразу отреагировала именно так, узнав об отдыхе. И сейчас Лера, повторая ее слова, иронично улыбалась.

— И поменьше смотри сериалов про маньяков, мам, — посоветовала дочь от раковины, где начала мыть посуду. — Лучше найди себе кого-нибудь.

— Кого?! — ужаснувшись, отшатнулась Варвара. — Сейчас мужики либо альфонсы, либо маньяки. Меня, к слову, сегодня один такой преследовал.